

АЛЕКСЕЙ КУНИН

Михаил Дозор

Всё о похитителях душ

Алексей Кунин

Тихий Дозор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17200448

Аннотация

Изящные дети лесов туаты, немногословные жители подгорных пещер ардары и их проклятые сородичи дэргары, кровожадные обитатели джунглей акшассы и, конечно же, люди. Шесть лет прошло с тех пор, как народам Хиона совместными усилиями удалось справиться с нашествием таинственных мрунов, кочевников между мирами. Преследуемый могущественными врагами, ветеран войны, барон Феликс Ройс, едет в столицу королевства Нолдерон в поисках правосудия. Но встреча со Станным Койтом, магом и старым другом Феликса, запускает сложный и древний механизм Игры, права на проигрыш в которой у друзей нет. Ведь на кону – жизнь короля. И не только.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Кунин

ТИХИЙ ДОЗОР

Полуденное солнце знойным любовником накрыло город жаркими поцелуями изгоняя тени из парков и садов. Солнечные стрелы победоносно шествовали по улицам и переулкам, заглядывая во все щели и укромные места. Лишь ворвавшись в комнату, в которой находилось двое, будто наткнулись на препятствие: закружили вокруг одетой в тёмное фигуры, подступили – обжечь, отпрянули. С удвоенной силой, обиженно, ринулись на второго.

– Маг, почему бы тебе не сотворить немного снега? Говорят, в такую жару в человека может вселиться огненный демон амок, вызывающий беспричинную ярость.

– Милорд, вы же знаете, мои способности лежат в иных сферах. Но если закрыть окно, я постараюсь сделать воздух чуть прохладней.

– Оставь. Не доверяю закрытым окнам. Скажи лучше, долго ли мне ждать? Я начинаю терять терпение. А ты знаешь, что бывает, когда я огорчён.

– Знаю, милорд. Но поверьте, в задержке нет моей вины.

– Лучше бы тебе поторопиться.

– Последнее, что нам сейчас необходимо, это спешка. Я разделяю ваше нетерпение, милорд, но поймите – король молод и силен. Его душа пылает, словно факел в ночи. Столь

яркий свет нелегко загасить, не вызвав подозрений.

– Я не могу ждать. Мне слишком многое необходимо сделать после. А мой огонь, если воспользоваться твоими словами, уже далеко не так ярок.

– Это можно поправить, милорд. Я ведь предлагал вам...

– Нет! Я уже ответил один раз, маг, и если услышу это снова, клянусь Предвечным отцом – ты пожалеешь. Скажи лучше, когда? Ты говорил, крайний срок – две седмицы.

– Я уверен, что к Чёрной луне всё будет готово, милорд. Если нам никто не помешает.

– Кто нам может помешать? Разве что боги. Но им нет дела до наших муравьиных забот.

– Вы знаете, что мне нужно, милорд.

– Делай своё дело. А я буду делать своё.

Порыв злого холодного ветра вдруг всколыхнул воздух и солнечные зайчики, игравшие на витражах в оконных переплётах, потускнели, съёжились и прыснули на улицу, туда, где всё было просто и понятно.

Глава 1

– А это значит, что восемьдесят лет назад Дубовая падь была продана тогдашним бароном Ройсом тогдашнему же графу Вилардо за четыре тысячи серебряных ригелей, с рассрочкой платежа на шесть лет.

Феликс откинулся на спинку кресла и посмотрел на Энцо.

– Послушайте, мессир...граф, – он с удовольствием отметил, как дернулся гость. До короны маркграфа на гербе Энцо Вилардо не хватало ровно двух зубцов, но тот предпочитал не замечать такой мелочи, давно приучив всех в Северной марке титуловать его маркграфом. Всех, кроме двух-трех человек, среди которых был и Феликс Ройс, двенадцатый барон Лерна.

– Если уж ваши стряпчие соизволили покопаться в архивах Рюггена, – сказал Феликс, – то вполне могли бы обнаружить, что названная вами сумма графом уплачена не была. Мой прадед получил от него всего две тысячи.

– Возможно, – недовольно поджал губы граф. – Однако в архивах земельного ведомства имеется документ, удостоверенный нотариусом городского совета, согласно которому барон Карвен Ройс соглашается принять в счет долга, взамен двух тысяч серебряных ригелей, двадцать пять бочек мерсийского вина и шесть отрезов лунного шёлка.

Видно, довольный собственным величием, Энцо оперся

на трость и сел вполоборота, будто натурщик перед художником. Впрочем, почему будто? Не так давно, как слышал Ройс, в замок графа пожаловал сам Элларио Кунц, знаменитый живописец, запечатлевший на своих полотнах не один десяток аристо королевства.

– Что ж, тогда, возможно, ваши стряпчие нашли также документ, подтверждающий, что мой прадед получил от графа все вами перечисленное? – Феликс поднялся из-за стола, прошелся по ковру, устилавшему каменные плиты зала, распахнул окно. Солнце клонилось к закату, дневная жара спала и по залу загулял ветерок, трогая тяжелые бархатные кисти портьеры, забираясь в шкаф, покачивая висящий под толком светильник на дюжину свечей. Ройс облокотился на подоконник и взглянул на графа. Лицо гостя исказила недовольная гримаса.

– Я не намерен более выслушивать ваши домыслы и пустословия, барон. Если мои стряпчие говорят, что Дубовая падь моя, значит, она моя.

Было видно, как юноше нравится произносить слово «моя». Вилардо тоже поднялся из кресла, не преминув выбрать позу, подчеркивающую его широкие плечи и узкую талию. Уж чего у двадцатилетнего графа было не отнять, так это смазливости, на которую провинциальные девицы слетались, словно пчёлы на цветок с нектаром. Правда, в зале не было никого, кто мог бы оценить подобные ухищрения, но, видимо, они уже стали неременными спутниками Энцо.

– Я намерен решить данный спор безотлагательно, – продолжал вещать граф, – до сбора урожая нынешней осенью. Я даже готов простить те прибыли, которые вы и ваши предки безосновательно, подчеркиваю, получали от использования пади. Что вы молчите, барон?

Барон молчал, поскольку как раз в это время размышлял, не сломать ли наглецу руку. Судя по безмятежному виду Энцо, тот не осознавал нависшей над ним опасности. Чего не скажешь о его охраннике-северянине, стоявшем в нескольких шагах позади графа, за левым плечом. Где он только раздобыл такого? Ройс слышал, что немало северян служат в империи и королевствах Высоких земель, но чтобы варвар забрался так далеко на юг... Весь разговор он простоял молча, лишь изредка поглаживая заплетенную в косицы бороду. Сейчас же подобрался, словно снежный барс, готовый вот-вот прыгнуть на жертву. Во время спора двух аристо его взгляд всё время цеплялся за Ройса: оценивал, взвешивал.

– Ладно, Энцо, – наконец отозвался Феликс. – Хоть я и уверен в бред... беспочвенности ваших притязаний, я готов рассмотреть возможность передачи нашего спора в суд королевской скамьи.

Заседания суда королевской скамьи – популярного способа разрешения споров между аристо, не доверяющих суду провинциального лорда – проходили в каждой из провинций королевства дважды в год.

– Об этом не может быть и речи, – недолго думая, отклик-

нулся Вилардо. – Я прекрасно понимаю, барон, к чему вы клоните: собираетесь воспользоваться тем, что бароны Лерна приносят вассальную клятву лично королю. Я не поставлю и медного гроша на то, что смогу выиграть дело.

– Что ж, – развел руками Феликс, – тогда, думается, разговор окончен.

– То есть, это значит, что вы не намерены любовно разрешить наш спор? – лицо графа начало пунцовать от гнева.

– Поскольку любовно, в вашем понимании, означает просто отдать земли вам, то, по-видимому, именно так. Не намерен. Мой прадед этого не поймет.

Вилардо, будто усмотрев в словах Ройса некий укор и желание посчитаться славой предков, вызываяще ответил.

– Мои предки, барон, не менее славны, чем ваши. Мой отец, хвала Единому, воевал также, как и ваш. И погиб с честью, смертью храбрых.

Не стоило графу вспоминать отца. Возможно, кому-то смерть, в результате трёхдневных возлияний, грабежей и насилия, и впрямь покажется героической кончиной. Но только не Феликсу.

– Ваш отец, граф, – откликнулся он, – был подонком и убийцей. – А теперь, убирайтесь из моего замка, если не хотите, чтобы достопочтенному Кунцу пришлось задержаться с окончанием вашего портрета.

Энцо, казалось, от возмущения забыл, как дышать: щеки надулись, словно он чем-то подавился, лицо обдало карми-

НОМ.

– Да как вы...да я...отца...

Ройс ждал, что Вилардо, наконец, выдавит из себя вызов на поединок. Хоть Феликс его и не примет. Слишком уж неравны силы, о чем оба прекрасно знали. Однако потуги графа прервал Бернар, вошедший, как обычно, без стука.

– Мессир барон, прошу прощения, но вы просили доложить сразу, как прибудет фрокар Корвин.

– Спасибо, Бернар. Мы уже закончили с мессиром. Не так ли, граф?

Энцо, откашлявшись и кинув ненавидящий взгляд на Ройса, коротко кивнул и в сопровождении северянина молча вышел из зала.

* * *

– Ну, за встречу, командир!

Серебряные кубки мелодично звякнули и Феликс сделал глоток. Гость, ополовинив свою чашу, с наслаждением вздохнул и откинулся на спинку кресла, скрипнувшего под весом кряжистого тела. Огоньки свечей заиграли на лысой, словно шар из кости мармонта, голове.

– Вино из твоих виноградников ничем не уступает лучшим сортам Хаша или Ярсиса. Почему бы тебе не продавать его в Семиградье? Или хотя бы ардарам? Они хоть и сидят у себя под Хребтом, в хорошем пойле толк знают.

– За чем же дело стало, Уолтер? – Феликс налил другу еще вина. – Иди ко мне в управляющие, как раз и займешься этим.

– Э, нет, – Уолтер хлебнул из чаши. – Ты же знаешь, моим рукам привычней рукоять меча, а не абак счетовода или книга вилика. Да и не сидится мне на одном месте долго. Не нагулялся ещё, видно.

Феликс улыбнулся. Уолтер Корвин не был ни графом, ни бароном. Он не был даже аристо, но значил для Ройса больше, чем десяток маркграфов или герцогов. Они познакомились на войне, почти двенадцать лет назад, и затем больше шести лет, до самого её окончания, не расставались. После войны Феликс женился, осел в поместье и зажил спокойной семейной жизнью. Он и Корвину предлагал место управляющего, но тот отказался, предпочтя размеренной сытой жизни постоянные путешествия. Последние два года Уолтер провел в охране караванов, шедших из Арса, столицы провинции Пейрам, через Хребет мира и обратно. Между возвращением одного каравана и отправкой другого обычно проходило не меньше двух-трех месяцев. Это время Уолтер проводил в Арсе, всегда находя случай, чтобы навеститься в гости к бывшему командиру: благо, столицу провинции от земель Северной марки отделяло всего три дня пути.

– Как идет торговля старого пройдохи? – спросил Ройс, имея в виду нанимателя Корвина, одного из самых зажиточных купцов провинции, Весциуса Ольвеля. – Всё так же пы-

тается выдавать лиссийские ткани за лунный шёлк?

– О, этот сквалыга своего не упустит. Нет, ткани за шёлк уже не выдает, после того, как его поймали на горячем в Песте. Зато в прошлом году купил больше двадцати стоунов разных поделок из кости мармонта, добытых где-то в южных королевствах. И в этот раз продавал их по всему Семиградью, утверждая, что сделаны из костей акшассов. Лично я думаю, что он нанимает нас, чтобы мы охраняли не караваны от разбойников, а его лично: от гнева тех, кто вдруг захочет перемолвиться с ним после очередной аферы.

– Что ж, кость мармонта – тоже неплохо. Из неё выходят отличные рукояти мечей: удобные и не скользят в ладони. Куда ходили на этот раз?

– Да как обычно. Сначала прошлись по городам Семиградья, затем в Мальтею. Особо там в это время года делать нечего, но Весциус надеялся поторговать в Эстемаре. На столицу, естественно, и не рассчитывал: хотя бы в пограничье. Но цветные нас завернули, так что пришлось возвращаться не солоно хлебавши.

– Уолтер!

– А что Уолтер? – притворно удивился тот. – Думаешь, они помеж собой нас по-благородному кличут?

– Ты же воевал с ними на одной стороне, – попытался Феликс усюветить друга.

– Ха, – Корвин даже подпрыгнул в кресле. – Что-то я их в стене щитов не видел. Ардары – это да, бойцы, что надо.

Помнишь, как...

Феликс, встав из кресла, пропуская мимо сознания очередную армейскую байку друга, подошёл к окну, затянутому к вечеру куском мелкоячеистой сети – от ночной мошкары. Из окна волнами вливалась вечерняя свежесть, ароматы трав и печеного хлеба.

Наверное, если бы тот из людей, кто впервые, презрительно поджав губы, назвал туатов цветными, дожил до наших дней, получая за каждое такое именование медный грош, уже давно стал бы первым богачом Хиона. Да ведь и вправду: как ещё можно назвать впервые встреченное создание, хоть и похожее на человека, но с головы до пят разрисованное странными рисунками и узорами всех цветов радуги? Возможно, о глубине впечатления, произведенном туатами на людей, можно судить по татуировкам. Так называли рисунки на теле, мода на которые, за века знакомства людей с детьми богини Т'а, успела глубоко укорениться среди хионцев.

– А что это за молодчик выходил давеча от тебя? Не молодой ли граф Вилардо? – Уолтер, опустошив блюдо с каплуном, поводит над столом не раз переломанным, напоминавшим сдавленную сливу носом. Наконец, потянулся к подносу, искушавшего любого, имеющего обоняние, ароматом вымоченного в эле и запечённого на углях сома.

– Он самый, – Феликс подошел к столу, налил себе ещё вина, бросил в рот пару орехов.

– Слышал я о нём кое-что в Арсе. Если даже половина

слухов – правда, то он достойный сын своего папеньки. – Друзья молча переглянулись, в уверенности, что подумали об одном и том же, о чём совсем не хотелось вспоминать.

– И какое же у него к тебе дело? – спросил Уолтер.

Феликс, вкратце, передал ему недавний разговор с графом.

– Про его отца, это ты зря, – задумчиво протянул Корвин. – Он наверняка такой же мстительный, как и его папаша. Может, и не такой хитрый, но это с молодостью проходит.

– Зря, – согласился Ройс. – Честно говоря, если бы он вел себя повежливей, возможно, я бы и отдал ему эту несчастную падь.

– Еще чего! – возмутился Уолтер, так, будто Феликс собрался отдавать кому-то его, Корвина, собственность. – Разбрасываться землями – последнее дело, командир. Да ещё не тобою нажитыми.

– Ну а что? Жены у меня нет, и уже не будет. Детей тоже. Всё равно земли в королевский лен отойдут. – В уголках рта Ройса залегла горькая складка.

– Ну, ты-то себя не хорони раньше срока, – искренне рассердился Корвин. – Аманда была женой, каких поискать, это верно, но ведь её уже больше года нет. Успеешь еще и жену найти, и детишек нарожать. Хватит жалеть себя. Не думаешь о себе, подумай о других. О коттерах, хотя бы.

Коттеры. Да, о них Феликс не подумал. На спорных зем-

лях кормились три семьи издольщиков. По слухам, которым не было причин не верить, молодой граф высасывает из своих арендаторов последние соки.

– Возможно, ты и прав. Но, по чести, без Аманды у меня нет никакого желания заниматься делами баронии. Слава Предвечному, что у меня есть Бернар.

– Так за чем дело стало? – в свою очередь спросил Уолтер, филигранно пластовавший охотничьим ножом баранью ногу. – Давай к нам, в охрану. Я за тебя перед Весциусом похлопочу. А заработок можешь мне отдавать: тебе ведь он все равно ни к чему. – Он улыбнулся, обмакнул кончик ножа с наколотым куском баранины в соусник с ядреным хреном и отправил мясо в рот.

– Что, неужели и в карауле ночью вместо меня стоять будешь?

– Отнимать у друга такое удовольствие после шести лет безделья? Да как я посмею?! – в притворном ужасе воскликнул Корвин.

– Ладно, – рассмеялся Феликс и заново наполненные кубки вновь встретились друг с другом.

– Ну а что, – продолжил Уолтер после хорошего глотка. – Найдем тебе в пути отличную невесту. У нас вот сейчас свадьбы играют: я, когда сюда ехал, несколько видел. А в Песте, к примеру, или в Хаше через три месяца начнут, аккурат к сбору винограда. Вот там и выберем.

– А каких выбирать будем? – усмехнулся Ройс. – Обыч-

ных, или вроде твоих, караванных? Кстати, как они там? Не вывели ещё тебя на чистую воду?

Почти в каждом крупном городе по ту сторону Хребта у Корвина была сердечная привязанность, обычно какая-нибудь вдовушка его лет – а Уолтеру было уже под сорок – пригласившая его во время пребывания каравана в городе. Каждой он клялся в любви и обещал взять в жены, как только накопит службой достаточно средств для безбедного существования.

– Всё, – твердо заявил Корвин. – С ними покончено. Я влюбился.

– Да ну. Дай угадаю. Наверное, в этот раз Висцеус посетил новый город?

– Смеешься, – с грустной укоризной покачал головой Уолтер. – А я серьезно. Она такая...

Феликс снова подошел к окну. Башня, в которой слуги, под бдительным присмотром Бернара, накрыли стол для вечерней трапезы друзей, была пристроена к замку больше пятидесяти лет назад, дедом Феликса. Времена тогда были насквозь мирные, так что башня выделялась широкими оконными проемами, в отличие от узких бойниц своих четырех сестер, возведенных в более беспокойные годы.

Сквозь ячеи сетки, о которую бессильно, но упорно, билась мотылька, подмигивали Ройсу высыпавшие на небо свод холодные искорки звезд.

Холм, на котором был возведен замок, окружали такие же

искорки, но теплые, пробивающиеся сквозь затянутые – где бычьим пузырем, где слюдой – окна или горящие то там, то тут кострами. За века, прошедшие с постройки замка, его, словно ракушки днище корабля, обсели жилые дома, ремесленные и торговые лавки, харчевни и постоянные двory. Если бы не леность провинциальных властей, на карте королевства уже давно мог появиться очередной городок. Хотя, когда Ройс, пару лет назад, завёл об этом разговор с казначеем провинции, тот заявил, что как только барон, за свой счет, разумеется, обнесёт заселённое пространство вокруг замка стеной, то может считать вопрос решенным и придумывать название для нового города.

– ... вот я, к примеру, уже больше двух лет караваны через Хребет вожу, а все время что-то новенькое попадает. С этими ардарами не соскучишься: жадноватый они народ все-таки. А в прошлый раз, помню, двое цветных... то есть туатов, конечно, представь, тащили через горы разобранную карету. Расскажи кому, не поверит. – Видимо, Корвин закончил с рассказом о новой зазнобе и перешел к разнообразным историям, в великом множестве накопившихся у него за годы путешествий.

Феликс смотрел из окна вдаль, словно силясь разглядеть что-то в темноте, подсвеченной лишь звездами да показавшейся из своего убежища луной. Там, приблизительно в десяти лигах к северу от замка, лежали те самые спорные земли, на которые молодым графом столь решительно были

предъявлены права. В голове Ройса назойливыми мухами вились вопросы.

В первый раз Энцо упомянул о спорных землях два года назад. Ещё была жива Аманда. В прошлом году граф уже без обиняков заявил о своих, якобы существующих, правах на Дубовую падь, однако не предпринимал никаких особых мер для воплощения намерений в жизнь. Говоря охотничьи-ми терминами, его действия были похожи не на выгон дичи под стрелы и копыя охотника, а, скорее, на правильное обкладывание берлоги, в ожидании, пока медведь сам не вылезет из неё. Откуда же такая поспешность этим летом? И что означал его сегодняшний визит к Ройсу? Одним ли желанием получить очередной ожидаемый отказ в удовлетворении своих appetitов? Обсуждать возможность разрешения спора в королевском суде уж точно не входило в планы графа. Тогда зачем?

Он вернулся к столу, налил еще вина, выпил, продолжая слушать байки Уолтера, но беспричинное глухое беспокойство продолжало грызть изнутри. Наконец, решившись, он взял стоявший возле кувшина с вином небольшой бронзовый колокольчик, встряхнул раз, другой. Через несколько мгновений вошел Бернар.

– К вашим услугам, мессир.

– Бернар, будь добр, пригласи ко мне Курта. – Седовласый управитель кивнул и вышел.

Уолтер взглянул на Ройса:

– Что задумал, командир?

– Всего лишь небольшую конную прогулку.

– Отлично. Я с тобой. Люблю конные прогулки при луне.

– Ты-то куда собрался? И так три дня в пути. Ешь, пей, отдыхай. Это моё дело.

– Нет уж, – уперся Корвин. – Раз я приехал в гости, ты, как добропорядочный хозяин, должен меня развлекать. Ночная прогулка – отличное развлечение.

– Хорошо, – сдался Феликс. – Только потом не обвиняй меня, что не увидел ничего интересного, кроме ферм и полей.

Скрипнула дверь. В помещение вошел Курт Лесьер: в своё время он, так же, как и Уолтер, служил под командованием Ройса. Сейчас же под началом ветерана было два десятка воинов, составляющих всю невеликую дружину баронии.

– Добрый вечер, мессир, – коротко поклонился Курт. – Звали?

– Да. Возьми трех человек и через двадцать минут ждите меня и Корвина у ворот. Прокатимся к Дубовой пади.

– Думаешь, наш граф затеял какую-то пакость? – спросил Уолтер, дождавшись ухода Лесьера.

Феликс неопределенно пожал плечами.

– Если бы думал, взял бы, по меньшей мере, полный десяток. Просто хочу съездить, убедиться, что там все в порядке.

Ройс, в сопровождении Уолтера, вышел во двор замка. Старый Гренуар, служивший еще отцу Феликса, подвел Огонька, приветственно ткнувшемуся в плечо Ройсу, в ожидании традиционного угощения – стебля сельдерея. Уолтеру, вместо его утомлённой дневным переходом серой трёхлетки, Гренуар вывел из конюшни Родинку.

Ройс одним движением взлетел в седло, подобрал поводья и направился к воротам. Там уже ожидали четверо всадников. Подъехав ближе, Феликс узнал братьев Эзру и Кевина Ромвелов из Песта. Третьим был Сол Прейнес, уроженец Арса.

Поравнявшись с Куртом, Феликс одобрительно кивнул. Хоть он и не давал особых распоряжений, на воинах были кольчуги и шлемы, надетые явно по приказу Лесьера. Правда, на лицах все троих явственно читались мысли о том, какой обузой считали они надетое на себя железо. Разбойников тут не встречали с военных времен: земли баронии находились в одной из наиболее спокойных провинций королевства. Спрашивается, что за надобность могла возникнуть в отягощении дополнительным грузом, да ещё на ночь глядя? Однако дисциплина в небольшой дружине Ройса по крепости не уступала стали ардарской выплавки. За плечами всех дружинников лежало военное прошлое, да и Курт не давал

ржаветь мечам в ножнах, через день устраивая тренировочные бои во дворе замка. Все четверо воинов были опоясаны мечами, а с седельных лук коней братьев свисали арбалеты.

Сам Феликс ограничился кирасой воловьей кожи, усиленной железными заклепками. Уолтер, также как и дружинники, предпочёл кольчугу.

– Вперёд, – Ройс двинулся к воротам замка.

Поднялась стальная решетка, заскрипев, опустился через ров мост и всадники, прогрохотав по деревянному настилу, устремились вперед.

Глава 2

...Зашелестев, раздвинулись ветви боярышника, и на облитую лунным светом обочину тракта выбрался волк. Поводив тяжёлой лобастой головой по сторонам, словно прислушиваясь, зверь с обманчивой ленцой потрусил через укатанную бесчисленными тележными колесами до твердости камня землю. Вдруг на середине дороги замер, оскалил клыки. Повернул голову вправо, где в сотне ярдов от него дорога скрывалась за поворотом. Миг, и хищник размытой тенью, одним прыжком преодолев оставшееся расстояние, скрылся в лесных зарослях. Через несколько мгновений из-за поворота вынеслись шестеро всадников, глухо простучали копыта по утоптанной земле, и вот уже только посеребренная лунной пылью свидетельствовала о потревоженной ночной тишине.

Покачиваясь в седле, Феликс пропускал через себя ночные звуки, запахи, движения. Мимо проплывали темные квадраты полей, подмигивающие огоньками окон дома и фермы. Лаем отзывались дворовые псы. Чем дальше к северу, тем поля становились реже, сменяясь темным частоколом леса. Откуда-то справа, из лесной чащи, взвилась ввысь сухая монотонная трель козодоя. В ответ заухал филин. Ройс расслабился, отдавшись обаянию летней ночи. Сами собой растаяли тревожные мысли, заставившие его в столь неуроч-

ный час нанести визит коттерам.

Впереди скакали Лесьер с Прейнесом, чуть дальше за ними держались Феликс и Уолтер. Замыкали небольшую кавалькаду братья Ромвелы. Внезапно Курт придержал коня, за ним сбавили ход все остальные. До поворота, выводящего тракт к Дубовой пади и дальше, в земли графа, оставалось меньше лиги.

– Что там? – подъехал Феликс к Курту.

– Гарью пахнет, командир. – Лесьер смотрел вперед, как будто мог что-нибудь разглядеть в ночной тьме. Сам Ройс ничего не чувствовал, как, судя по выражению лиц, и остальные. Однако он доверял чутью Курта, прослужившего, в свое время, два года в следопытах пандавского ашиншаха.

– Лес?

– Да не похоже.

Феликс задумался. Лес, в котором охотилось не одно поколение его предков, да и сам он не раз загонял вепря или оленя, был ему хорошо знаком. Впрочем, как и Курту, всегда сопровождавшего его на охоте и знавшего здешние места не хуже лесничего. Да и до фермы старого Азхола, ближайшей к тракту, напрямик было не больше полу-лиги. Так что опасность заблудиться или забрести в непролазную чащу, подвергая риску коней, им вряд ли грозила.

– Ладно, – принял он решение. – Едем в обход.

Шестеро всадников свернули с дороги и растворились в ночном лесу.

Пробираясь через лес по найденной Куртом тропинке, затайливо петляющей между дубов, благодаря которым падь и получила свое название, Ройс вспоминал старого Азхола. Сейчас у старика была большая семья, хотя, когда тридцать лет назад он пришел к отцу Феликса договариваться о найме земли, он был один, как перст. Ройсу тогда было всего два или три года, но он запомнил странного молчаливого парня, все время, в ожидании отца, выстукивавшего что-то из небольшого деревянного чурбачка. Услышав весть о возвращении барона, парень встал, отряхнул со штанов мелкую стружку, огляделся по сторонам и, увидев мальчика, поманил его. Когда он подошёл, гость вручил ему деревянную статуэтку мармонта. Феликс и сейчас помнил, какое впечатление произвела на него эта фигурка: мощное животное, поднявшееся на дыбы, с воинственно воздетым хоботом, по сторонам которого угрожающе торчали бивни. Он ещё долго игрался потом с ней, пока статуэтка не затерялась где-то в одном из закоулков замка.

Сейчас Ройс недоумевал: неужели он был действительно так близок к тому, чтобы без сопротивления уступить свою землю, землю предков, этому молодому наглецу? Нет, Уолтер определенно прав: пора заканчивать жалеть себя, оплакивая Аманду, и подумать о тех, кто остался с ним в мире

живых.

Меж тем, по мере приближения к кромке леса, за которой начинались земли фермы, стало ясно, что чутье Курта не обмануло его и в этот раз: остальные тоже почувствовали запах дыма. По молчаливому знаку все спешили, привязали поводья коней к ближайшим деревьям и через несколько минут перед ними открылся вид на ферму.

Примерно в двадцати ярдах от края леса виднелась небольшая изгородь, ограждавшая огород коттеров от лесной живности. В лунном свете он напоминал поле битвы, усыпанное отрубленными головами – капустой, готовой к уборке. Огород тянулся почти на сто ярдов и выходил аккуратно к ферме, представлявшей собой кажущееся беспорядочным нагромождение построек и сооружений. В центре, словно черепаха среди улиток, возвышался трехэтажный дом: в нем обитала обширная семья Азхола.

Горел не дом, как с облегчением убедился Феликс. Просто разворошенная, не успевшая просушиться копна сена. Непонятно было, зачем кому-то понадобилось его поджигать: то ли для освещения, то ли для собственного удовольствия. Посреди двора возвышался своеобразный редут, составленный из ящиков, бочек, ларей и тюков. Напротив дома стояли три телеги, в которые смутно различаемые во тьме фигуры сносили вещи.

– Хм, неужели Азхол, на ночь глядя, в город собрался? – Феликс отогнул ветку, мешавшую обзору, отмахнулся от за-

зудевшей над ухом мошкары.

– Ну да. И собственное сено зачем-то поджег? – недоверчиво отозвался Курт.

– Постой-ка. – Ройс, напрягая глаза, присмотрелся. Показалось, или в алом отблеске огня действительно тускло отразилась стальная чешуя?

– Кольчужные, – словно выплюнул Лесьер.

– Похоже, будет веселье, – в темноте улыбка Уолтера, стоявшего слева от Ройса, была не видна, но Феликс был уверен, что тот улыбается. – А я и не сомневался. Еще в замке. Я-то помню твой нюх на всякое дерьмо, командир.

– Никак не могу решить, Уолтер, это комплимент или оскорбление?

– Отправим за подмогой, мессир? – тихо спросил Курт. – Во дворе трое, а сколько их в домах и пристройках, Единый знает.

– Нет, – покачал головой Феликс. – Наш милый Энцо, а сомнений в том, что это его люди, нет, не станет брать больше десятка на такое дело. Вряд ли он рассчитывал на нашу встречу: на дороге наверняка оставили дозорного, чтобы предупредил в случае чего.

– К тому же, пока прибудет помощь эти ублюдки уже успеют убраться восвояси на свои земли, – сплюнув, добавил Уолтер.

– Вы так уверены, что это граф, мессир? – спросил Эзра. – Это же... немисливо. Аристо нападает на людей друго-

го аристо.

– Не так уж и немисливо, – отозвался Ройс. – Бывали случаи... К тому же, думаю, что Вилардо вся эта ситуация представляется немного в другом свете. Ну, скажем, владетельный лорд накладывает руку на принадлежащее ему имущество. Вот только ума не приложу, что ему там могло понадобиться? Азхол – не купец, сундуков с монетой не хранит. Не репу же с капустой они там грузят.

– В таких случаях, главное вовремя оттяпать эту руку, – поделился своим мнением Корвин. – А потом уж разбираться.

– Ладно, хватит болтать. Вперед, и тихо. Возьмем этих троих, а потом посмотрим и на их друзей.

Увлеченные погрузкой телег, трое грабителей не замечали, как через поле, от кромки леса, в их сторону скользят шесть теней. До тех пор, пока один из них, обернувшись за какой-то нуждой, не увидел приближающиеся фигуры. Недолго думая, он метнулся в недалёкую темноту, откуда через несколько ударов сердца раздался резкий свист. Оставшиеся двое были сбиты с ног, не успев даже понять, что происходит, и лишь очумело мотали головами, пока Курт с Прейнесом снимали с них пояса с мечами.

Досадовать на прыть третьего из налетчиков уже не осталось времени: из дома и прилегающих построек выбегали, звеня кольчугами, воины. В залившем двор холодном лунном свете Ройс сразу узнал Энцо, выскочившего из дома в

сопровождении уже виденного днём северянина. В первые мгновения граф явно опешил: появления Ройса, да еще в сопровождении воинов, он явно не ждал. Затем, видимо, подсчитав количество дружинников Ройса и сравнив с числом собственных наемников, Вилардо усмехнулся и направился к Феликсу.

– Ба, да это же сам барон Ройс, если зрение меня не подводит. Доброй ночи, барон. – Граф говорил так, будто они встретились не во дворе фермерского дома – с разбросанными вещами, освещенными отблесками костра, а в доме королевского наместника в Арсе.

– Не могу сказать того же, – холодно отозвался Ройс. – Прах тебя побери, Энцо! Что ты забыл на моей земле? Не знаю, как твоё зрение, но если меня не подводит память, я обещал...

Какой-то сдавленный полузадушенный писк, донесшийся с одной из телег, отвлек его. Подойдя к подводе, он увидел извивающуюся на дне телеги фигуру. Отблеск огня высветил стройность девичьего стана, перехваченного широкой узорной лентой. С миловидного лица на Ройса умоляюще смотрели кажущиеся огромными карие глаза, наполненные слезами. Рот девушки запечатан кляпом. Феликс порывистым движением приподнял пленницу, освободил от кляпа.

– Ты кто?

– Эвейна, – пискнула та. – Не отдавайте меня, мессир. – И зарыдала: громко, по-бабьи, взхлеб, поминая сквозь всхли-

пывания какого-то Томаса.

«...найдем тебе в пути отличную невесту. У нас вот сейчас свадьбы играют: я, когда сюда ехал, несколько видел...», – всплыли в памяти слова Уолтера. Ну, конечно. Теперь всё вставало на свои места: и неожиданная торопливость графа, и его непонятная авантюра с налётом на ферму. Такие, как Энцо, не понимают слова «нет». Тем более, если уверены, что любая красotka, тем более из черного люда, почтет за честь согреть им ложе. В висках Феликса забухали невидимые молоточки, заколотилось сердце, разгоняя кровь, прилившую к щекам. Ему потребовалось усилие, чтобы отогнать нахлынувший гнев. Он потрепал Эвейну по колену – все будет хорошо – и шагнул к Энцо. Тот, хоть и стоял с напускным спокойствием, скрестив руки, под его взглядом отступил на пару шагов.

– Значит, вот как вы обделываете свои дела, граф? – голос Феликса чуть дрожал от едва сдерживаемой ярости. – Решили возродить старые традиции.

– Вот именно, – тот, похоже, уже пережил мимолётный приступ слабости и оскabлился, словно волк. – Как я вам уже сообщил сегодня днем, барон, это – мои земли, – обвел он рукой вокруг себя. – И это, – указал он на дом, – мое имущество и мои люди. И как вы правильно заметили, барон, право первой ночи – старая традиция. Я бы даже сказал – старинная. А моя семья чтит традиции. В отличие от некоторых.

Дружинники Ройса глухо зароптали. Уолтер, стоя слева

от Феликса, что-то пробормотал под нос. До всех отчетливо донеслось лишь «напыщенный молокосос».

– Ну да. – Ройс понемногу успокаивался, отсекая лишние мысли и эмоции, думая только о том, что случится совсем скоро. – Значит, ты снизошел до дочки Азхола, а она оказалась столь неблагодарной, что ответила отказом. И когда ты услышал, что она выходит замуж...

– Примерно так, барон. И теперь я приехал со своими людьми забрать то, что причитается мне по праву. – Энцо повел в сторону выстроившихся по сторонам от себя солдат. Вместе с застигнутыми врасплох их было одиннадцать.

– Право же, Ройс, неужели мы, аристо, будем ссориться из-за какой-то девчонки-простолюдинки? – Энцо пренебрежительно указал на девушку, затравленным зверьком сжавшуюся у борта телеги. – Так уж и быть: я могу забрать только её, а наш спор о праве на землю мы передадим в суд королевской скамьи, как вы и предлагали. Как вам такое решение нашей небольшой проблемы, барон? Я даже могу заплатить её семье немного денег, за доставленные неудобства.

– Я могу тебе предложить другое решение, Энцо, – Феликс глянул на Курта и тот несколькими плавными шажками сместился ближе к разоруженным воинам графа.

– Как по мне, ты и так уже наделал достаточно глупостей на сегодня, – продолжил Ройс. – Не советую делать их ещё больше. Твои потуги возродить традиции столетней давности – просто смешны. Так что предлагаю сесть на коней

и обратиться подобру-поздорову с моей земли. Возмещение ущерба и оскорблений, нанесенных отцу девушки и ей самой, мы обсудим позднее, при свете дня и не в этом месте. Ущерб мне, как владельцу этих земель, я тебе прощаю.

– Ну, нет! – лицо юноши исказилось в гримасе, глаза сузились. – Да эта девчонка должна мне ноги целовать за то, что я, граф Вилардо, обратил на нее внимание. Она послужит достойным примером для других. Так что придется тебе, Ройс, выбирать, что для тебя дороже: собственная жизнь или сельская потаскушка, – глаза Энцо метнулись по сторонам, словно он ещё раз хотел убедиться в числе дружинников Ройса, рука легла на эфес меча.

«Ну что ж, – подумал Феликс. – По крайней мере, я давал ему шанс. А теперь главное – всё сделать правильно. Интересно, правда ли, что графа обучал мечному бою сам Реми Фонтен, первый клинок Пейрама?»

– Я бы мог сказать, что ты позоришь свой род, Энцо, – Ройс постарался, чтобы презрение в его голосе прозвучало как можно отчетливее. – Но, к сожалению или к счастью, ты не можешь опозорить семью Вилардо. Потому что...не принадлежишь к ней.

– Что?! – граф непонимающе помотал головой, словно Ройс заговорил с ним на неизвестном языке.

– Да то, что граф Лоис Вилардо – не твой отец. – Феликс улыбался, наблюдая, как окрашенная отблеском костра в алый цвет щека графа приобретает насыщенные оттенки

пурпура от чудовищного, по меркам любого аристо, оскорбления.

– Что?! Что ты сказал... Ты ответишь... ложь..., – Энцо снова, как днем, стал задыхаться от гнева.

– О, нет, мессир граф. Это вовсе не ложь. Об этом мне сказал твой мнимый отец... перед тем, как я его убил.

Энцо хватило лишь на дикий выкрик:

– Убить их всех! – После чего, выхватив меч, он с яростным ревом бросился на Ройса.

Ночная тишина взорвалась звоном мечей и потоком проклятий.

Граф еще не успел скрестить мечи с Феликсом, как справа и слева от Ройса глухо щелкнули тетивы арбалетов и двое наемников Энцо, словно споткнувшись о препятствие, упали на землю. Одновременно с этим Курт, плавным движением выхватив клинок из ножен, с ходу рубанул одного из двух безоружных воинов графа: меч, прочертив кроваво-черную, в свете луны, борозду через грудь одного, продолжая движение, взлетел выше и серебряной молнией упал на второго, успевшего лишь вскинуть руку в защитном жесте. Клинок перерубил руку и глубоко вошел в ключицу. Ребенок не успел бы сказать «мама», как граф лишился четырех человек. Но даже сейчас шестерым воинам противостояло восемь.

Феликсу приходилось тяжело: на него надели Энцо и северянин. И если выпады Вилардо, которым не хватало точ-

ности и твердости, Ройс отражал без особых усилий, то телохранитель задал ему настоящую трепку. Мечи звенели, Феликс кружил по двору, стараясь держаться рядом с дружинниками. Удар, блок, выпад, уход в сторону. Снова удар. Ройс и северянин бились молча: берегли дыхание, экономно расходуя силы. Разъяренный последними словами Феликса граф вкладывался в каждый удар, одновременно вопя проклятия и оскорбления. Видно, наука старого Реми не пошла впрок.

Двое противников также достались Курту. Замах, ложный выпад, удар. Клинок скользит по клинку, высекая искру. Феликс едва успевает отбить выпад Энцо и уйти с линии, оказавшегося ложным, удара северянина. Пытаясь увернуться, Ройс понимает, что бесполезно, поймал его бородач, но тут чей-то клинок блокирует удар. Феликс, используя представившуюся возможность для атаки Энцо, краем глаза успевает заметить неожиданного спасителя – Уолтер. Тот уложил своего противника, корчащегося на земле, и уже во всю рубится с варваром.

Надо признать, что наемники графа свои деньги отрабатывали на совесть. Не успел Ройс как следует взяться за него, как один из воинов, бьющихся с Куртом, разорвал дистанцию, сделал несколько шагов в сторону и вот уже перед Феликсом снова двое. Правда, всего лишь на несколько мгновений. Он все-таки успел зацепить Вилардо – эсток Феликса, скрежетнув, стальной змеей ужалил под плечевую пластину

панциря и вынырнул с окрашенным в алое, напившимся крови острием. Энцо, изрыгнув очередное проклятие, отскочил в сторону, но закончить начатое Ройсу помешал второй противник, заслонивший хозяина.

Кружась в танце клинков, Ройс пытался оценить картину боя. Внутри холодело, сжимая желудок: противников осталось всего шестеро, но на земле лежат двое дружинников Феликса – Эзра и Сол. А яростный пожар скоротечного боя, меж тем, дает о себе знать: наливаются тяжестью руки, не так быстры и точны очередной удар или выпад. Похоже, уверенность Энцо в успехе, благодаря двукратному превосходству в людях, начинает себя оправдывать. Сам граф, уже не решаясь снова скрестить с Феликсом меч, приплясывает позади наемника, продолжая выкрикивать проклятия, перемежая их ободряющими призывами к своим воинам. Что же делать?

В голове Ройса вспышкой высвечивается картина, словно барельеф на стене: на легионы щитоносцев накатывает, кажущаяся бесконечной, масса мрунов; Эдвард Сеттби, Лев Нолдерона, подняв коня на дыбы, вздымает руку с мечом, указывая вперед, туда, где в нескольких сот ярдах реют конские хвосты и скалятся черепа на бунчуках Кулхана Одноглазого. Рот Сеттби распят в безмолвном крике: «бей в центр! бей по вождям!»

Феликс взрывается каскадом выпадов, замахов, ударов. Его противник ловится на ложный замах и Ройс из послед-

них сил, открывая под удар бок, прорывается ему за спину, к графу. Тому не хватает всего мгновения, чтобы отскочить назад или в сторону: Феликс достает его и по кровостоку меча стекает жизнь Энцо Вилардо, девятого графа Северной марки.

Глава 3

– Граф убит! Энцо мертв!

Кричал тот самый наемник, за спину которого так удачно проскочил Феликс. Он, развернувшись, стоял в защитной стойке, но сражаться уже было не с кем. Сбившись в плотную группу, четверо выживших наемников отступали назад, к дальнему концу двора. Сражаться за мертвого хозяина, видимо, никто из них желанием не горел. Дружинники Феликса не преследовали их, лишь настороженно провожая взглядами.

А перед глазами Ройса дотлевала картина: латная конница «лунных братьев», врезаясь в ряды мрунов, проминает строй перед собой, словно бочка, катящаяся по заросшему осокой склону, и шесты, с насаженными на них вороньими черепами, поколебавшись, падают вниз. И от места их падения волнами, захватывая в этот водоворот новые и новые массы мрунов, уверенно шагает ее величество – Паника. Организованная сила, лишённая предводителя, часто превращается в массу одиночек, думающих лишь о собственном спасении.

Позволив себе немного расслабиться, Ройс осмотрелся, ища взглядом Уолтера. Поначалу показалось, что глаза, от усталости и напряжения, просто не замечают друга. Вот к борту телеги привалился Курт, вроде бы целый и невредимый. Недалеко, возле тела брата, сидит Кевин. Кажется, Эз-

ра жив. По руке Кевина течет кровь. Феликсу понадобилось несколько долгих мгновений, чтобы осознать, что неподвижная, еле заметная в темноте на земле фигура, это Корвин.

– Уолтер, – Ройс опустился на колени перед телом. Уолтер лежал навзничь. Взяв его за плечи, Феликс как можно мягче перевернул его на спину.

– Уолтер. Очнись. – Феликс провел рукой по кольчуге и ощутил ладонью теплую липкость.

Корвин захрипел, открыл глаза.

– Лежи. Молчи. Сейчас перенесем тебя в дом.

– А он быстрый...северянин...хороший боец...славная схватка...

– Эвейна! Доченька!

Ройс, резко встав, обернулся на крик, рука дернулась к эфесу. Из открытых дверей дома к подводе бросилась женщина: видимо, мать девушки. Всклипывая, что-то бормоча сквозь слезы, она вцепилась в стягивавшие руки дочери веревки, пытаясь их развязать. Впрочем, связывал Эвейну мастер своего дела, так, чтобы веревочные петли, не впиваясь и не натирая кожу, в тоже время не давали пленнице ни единого шанса освободиться.

Феликс, подойдя к телеге, молча отодвинул мать в сторону и несколькими взмахами ножа разрезал путы на руках и ногах девушки. Женщина, поначалу, опять бросилась обнимать дочь, все так же рыдающую. Затем, ненадолго утолив материнские чувства, отпустила её, кинулась в ноги Ройсу.

– Спасибо вам, мессир! Дочку мою, кровинушу, не дали обесчестить. Век за вас Матери-заступнице молиться буду, чтобы отвратила все невзгоды...

– Ну, хватит, хватит. – Феликс, подняв женщину с колен, встряхнул за плечи, помогая успокоиться. Отблеск догорающего огня упал на ее лицо, высветив морщины, седые волосы, уставшие заплаканные глаза. – Все уже позади.

– Я уже все, все, – зачастила та, вытирая слезы. – Сейчас. Я Лейя, жена Алхаза. Вы меня и не помните наверно.

– Где Алхаз?

– Там он, – Лейя кивнула в сторону дверного проема. – Лежит. Плохо ему стало, когда эти налетели, дочку, кровиночку нашу, забрали.

– Позови кого-нибудь: пусть занесут раненых в дом. – Женщина, кивнув, вместе со всё ещё всхлипывающей от пережитого дочкой скрылась в доме. Ройс вернулся к Уолтеру, бросил взгляд на остальных дружинников. Курт перевязывал куском ткани бедро стонущему от боли Эзре, привалившемуся к тележному колесу. Рядом с ним, что-то утешающе шепча, всё также сидел брат.

– Курт. – Тот поднял голову и Феликс вдруг ощутил груз лет, неподъемным камнем лежавшем на плечах седого ветерана.

– Кевина с донесением – в замок. Десяток Румпеля – сюда. Пусть захватят собак. Лекаря – тоже сюда: в первую очередь. И несколько подвод.

– Может, лучше я? – Курт поднялся на ноги. – Кевин ранен.

– Именно поэтому его. Ты здесь нужней будешь. Вы кто? – спросил Феликс вышедших из дома двух парней – одного рослого, высокого, и второго пониже.

– Так это, я, стало быть, Вилер, сын папашин. Старшой, – ответил рослый. – А это Рейрам, муж сестры, стало быть. Матушка сказала, раненых в горницу перенести?

– Да. Возьмите пару жердей, – Феликс показал на стоявший неподалеку деревянный сарай, – и несколько полотенец: сделаете носилки.

– А что с этими, мессир? – Вилер указал на два тела в глубине двора, подававших признаки жизни: наемники Энцо.

– Этих тоже перенесите, – после некоторого раздумья ответил Ройс. – В овин.

Пока парни суетливо мастерили носилки, Феликс, опустившись перед Уолтером на колени, отер его губы от кровавой пены.

– Пить... – прошептал Уолтер.

– Нельзя тебе пока пить. Потерпи, скоро лекарь приедет. – Только сказав это, Ройс заметил, что Корвин потерял сознание.

– Несите, – сказал он подошедшему Вилеру и, проследив, как носилки с Уолтером исчезают в доме, зашел следом.

Парни аккуратно, стараясь не дергать носилки, занесли их в большую комнату, положили на лавку, застеленную куском

полотна. Феликс огляделся. Центр комнаты занимал стол: наверно, тут усаживалась трапезничать сразу вся большая семья старого коттера. Возле стен стоят лавки, под лавками – сундуки, щерившиеся сейчас на Ройса выпотрошенными внутренностями. На одной из лавок сидели две испуганные девушки.

– Как тебя зовут? – обратился Феликс к той, что постарше.

– Матушка Долкой назвали, – глаз она не подняла, смотря куда-то в пол. – А это сестра моя, Лоцна.

– Вот что, Долка. Принеси-ка ведро воды да холста чистого, локтей пять. И корпии из ветоши чистой нащипай.

Ройс подошел к лавке. Уолтер все так же был без сознания. Может, это и к лучшему. Он аккуратно поднял руку, которой Корвин зажимал рану на животе, осторожно завернул кольчугу вверх. С присвистом вдохнул воздух сквозь зубы. На войне армейские лекари называли такие раны – заворот: клинок меча или острие копья входили глубоко внутрь живота, повреждая все на своем пути. Плохо. Очень плохо. Будет ли толк от искусства Себаста, лекаря баронии? Сейчас бы мага-целителя. Да где его возьмешь?

Феликс сел на лавку, откинулся к стене, закрыл глаза. Горячка боя постепенно отпускала, отзываясь запоздалой дрожью в мышцах. Он не убивал человека уже шесть лет. Нет. Человека – восемь. Мруны ведь – не люди. Этот вывод был одним из немногих, с которым согласились и священники людей, и древники туатов, и жрицы ардаров. Хотя, как на

взгляд Феликса, мруны не сильно и отличались от людей. Две руки, две ноги, голова. Ну да, зубов больше, да половина из них – клыки. И кожа зеленого оттенка. И рожи, как на вкус любого из хионцев, страховидные. Но, также как любой из воинов Хиона, носят доспехи, скримеры – изогнутые мечи. У них нет лошадей, но есть гаркхи – здоровые хищные твари, рвущие своими тяжелыми челюстями в бою и пеших, и конных. А более всего роднило их с людьми, именно с ними, а не с туатами или ардарами – тяга к разрушению и насилию. Чем солдаты Асты были лучше мрунов, когда армия Семиградья штурмом взяла столицу Таршиша, Геронну? Мруны, пожалуй, были даже честнее – там, где они проходили, оставались лишь руины да выжженная земля...

Феликс услышал шарканье и открыл глаза. В горницу, медленно ступая, приволакивая правую ногу, вошел Алхаз.

– Мессир... – старик, тяжело выдохнув, присел на ближайшую лавку.

– Рассказывай.

– А что рассказывать, мессир? – опять вздохнул старик. Наскочили эти, уже, стало быть, после заката. С графом Энцо, стало быть. Он говорит: всё тут мое и земли мои, а вы – мои данники. Ну, и про дочку. Про право первой ночи. Чтоб его душе бродить в вечной тьме! А что мы супротив оружных можем сделать? – с горечью спросил он. – Я, было, попробовал заикнуться, что мы вольные люди. Землю-то в найм я брал еще у вашего батюшки, а сейчас, стало быть, у

вас. Да куда там. – Старик потер заметно опухшую скулу.

– Вас нам сам Предвечный отец привел, мессир, не иначе, – продолжил он. – Ох, и подумать страшно, что было бы, если бы Эвейна... – голос старика предательски дрогнул.

– Ничего, Азхол. – Феликс подошел к фермеру, положил руку на плечо. – С твоей дочерью, хвала богам, все в порядке, а граф сейчас держит ответ перед судом, более высшим, чем любой на этом свете.

Их разговор прервала Долка, вошедшая в комнату с ведром воды. Через плечо перекинут отрез материи.

– Вот, мессир. Вы просили, – она поставила ведро на пол, наконец-то взглянув на Феликса. – А корпию я сейчас нащи-паю, матушка с Лоцной помогут.

– Спасибо. – Благодарно кивнув вслед вышедшей девушке, Ройс, как умел, обтер рану Уолтера мокрым холстом, затем, соорудив из него нечто вроде плотного полотенца, накрыл им разрез. Почти сразу ткань начала розоветь, наливаясь красным.

Вошел Курт.

– Как он, командир?

– Плохо, – Ройс присел на табурет у стола, взглянул на Лесьера. – Очень плохо. Что с Кевином?

– Отправил с донесением, как вы велели. Эзра в дом не захотел, положили его на телегу. Тех двоих, наемников Энцо, отнесли в овин, но, похоже, один скоро представится.

– Подвел я вас, Курт, – Феликс устало оперся на стол,

взглянул на старого воина. – Теряю хватку.

– Не думайте об этом, командир, – голос Курта был тверд. – Если бы вы не убили Энцо, все бы там легли, во дворе.

– Я должен был взять полный десяток, – глухо проговорил Ройс, глядя в пол. – При таком раскладе он бы просто ушел.

– Мессир..., – Курт поколебался. – А это правда, что вы говорили? Ну, что убили старого графа. И что он Энцо не отец.

– Конечно, нет, – ответил Ройс. – Не хватало еще, чтобы мы, вместо мрунов, друг друга резали. Просто, когда понял, что парень уже настроен на драку, с таким-то перевесом в людях, решил вывести его из себя. Гнев в бою – плохой советчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.